

Фанфик
«Семья зла
или
революция Советова в
"Совёнке"»

Пролог

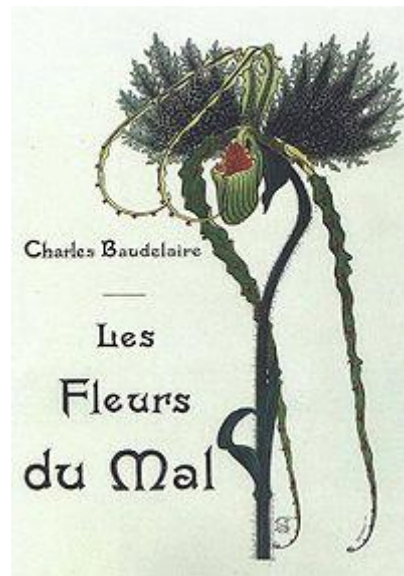
История наша будет иметь начало в одном российском городке, не так чтобы большом, но и не то чтобы маленьком. Чтобы не томить читателя его описанием, мы сэкономим время и вскоре перейдём к самой важной части повествования. Но ведя читателя дальше, мы считаем своим долгом сообщить несколько наиболее важных вещей, основательно влияющих на нашу повесть.

Во-первых, время приближено к нынешнему 2015(почти 2016) году, но вскоре, используя данную нам власть, мы вернём его на целых тридцать пять шагов назад.

Во-вторых, дабы полностью удовлетворить любопытство иных, мы расскажем немного о нашем протагонисте. Зовут его Советов, Антон Павлович; топчет землю вот уже двадцать семь лет; имеет властную внешность, серые глаза и светлые волосы; в детстве был худ, но потом быстро набрал достаточный вес. Родители с ним не церемонились и сразу после рождения отдали в детдом, из-за которого у Советова возникла неуравновешенность в характере. Однако после выхода в жизнь Советов преобразился: он мог постоять за себя в драке, стал чистоплотным и думающим человеком, имел всего лишь двух друзей, — которых будет правильнее назвать соратниками, — но пересекался с ними редко. И было в нём что-то, какой-то потенциал, который он успешно просадил в своей никому не нужной жизни. Осознание этого заставляло его страдать.

И наконец, третье, касающееся характера нашего протагониста. Необычность состояла в том, что, начиная с самого рождения, в Советове всегда горело странное, не поддающееся никакому объяснению желание, — желание разрушений, издевательств и революции. Как бы грубо и нелепо сие не звучало, но данный факт был открыт его воспитательницей, на которую якобы нечаянно свалился котелок с кипятком, его учителем, который совершенно «случайно» угодил под самодельную мину, чуть не расставшись со своей драгоценной жизнью, его одноклассниками, которые по такой же «случайности» испытывали лишения в куда-то исчезающей еде, и даже его собакой, которую он так же «случайно» забыл покормить. Одним словом, Советов обожал особо крупно похулиганить и даже нуждался в этом, как в естественной потребности.

А теперь, указав эти факты, мы наконец приступим к настоящему повествованию, и начнётся оно с вышеобозначенного Советова. Находим мы его больным тифом, в бредовом состоянии, лежащим на кровати в поликлинике №13. Иногда к нему заглядывает медсестра и измеряет температуру. Подобрали Советова, к сожалению, слишком поздно, и вылечить его могло только чудо. При нём нашли лишь сборник стихов, — который сейчас находятся рядом с ним на тумбе, — и пару ассигнаций. Также стоит отметить небольшой больничный цветочный горшочек с землёй, стоящий там же, на тумбе.

И пока Советов лежит на кровати, мы воспользуемся моментом и заглянем в его голову, а точнее в тот мир, который, благодаря тифу, явился нашему герою в самых реалистичных и ярких тонах...

Глава I

Внедрение

“Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех страстей
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье.
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То — Скука! — облаком своей houка одета
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник
Ты знал чудовище утонченное это?!”

— Бодлер.

Хотя и ночь, я зрею подозрительно отчётливо цветы, раскинувшиеся дорогой. У каждого такого огромный чёрный рот. Раззявили они беззубые и острые пасти свои. Не в человеческой и не в животной улыбке тянутся они ко мне. В них нет ничего: ни капли чувств, ни цели или смысла, но есть желание одно — пожрать меня скорее. Я, кажется, в движении, оно меня спасает. Я в транспорте людском, через окно их наблюдаю...

Играет в голове моей их песнь разноголосая, и нельзя определить, кто поёт её, — мужчина, женщина или ребёнок. Они пели и пели, пока тьма не заполонила глаза мои.

Яркий солнечный свет ударил в глаза. Такое ощущение, что меня недавно передавил грузовик. Глаза постепенно привыкали к свету. Я осмотрелся. Какая-то больничная палата или сооружение: две койки, плакаты, больничная мебель, и запах лекарств. На одной из коек лежу я. За письменным столом сидит медсестра, — женщина лет двадцати шести, — что-то пишет.

— Где я? — спросил я хриплым голосом.

Она посмотрела в мою сторону, отложила ручку.

— Очнулся, пионер? — сказала она томным голосом. Мне сразу не понравился тембр, но я решил держать себя в руках.

«Судя по размерам и бедной обстановке на полноценную больницу не тянет, — значит, это что-то попроще», — подумал я и спросил:

— А что это я тут делаю?

Мой вопрос её развеселил: в её глазах появился весёлый огонёк. Это уже второй её промах. В этот момент я полностью убедился в том, что разговаривать с ней бесполезно.

«Спокойнее, Советов, спокойнее...»

— Что же ты, забыл, как с крыши свалился? — сказала медсестра.

«Какой к чёрту крыши?» — подумал я и неуверенно приподнялся с койки.

— То-о-очно! — резко произнёс я, — крыша! Ах, ох!

Я торопливо встал и направился к выходу. Слабость накатила на меня, но я всё-таки дошёл до двери и смог выйти наружу.

Лето. В нос ударил свежий запах леса. Кругом щебетали птицы. Какой-то лагерь? Сзади послышался голос медсестры. Я откашлялся и поспешил уйти. Преследования не было. Дорога привела меня к площади.

«Так, так, так, так... — думал я, беспокояно оглядываясь, — куда же меня занесло?»

В центре был какой-то памятник; вокруг одни домики-полубочки; туда-сюда снуют подростки в одинаковой форме с красными галстуками. Пионерлагерь? Судя по населению, да.

«Как же я сюда попал? Ничего не помню...»

Я присел на скамейку. Людно, но довольно тихо, — есть возможность подумать.

Несмотря на благоприятную обстановку, я, сколько ни пытался, не мог вспомнить как сюда попал. Последние события как будто клином вышибло из моей головы.

Тем временем меня отвлёл далёкий голос:

— Советов!

Я встрепенулся: кто здесь может меня знать?

Какая-то девчонка, лет семнадцати, пробирается с другого конца площади ко мне. У неё пшеничного цвета волосы, длинная коса, голубые глаза и выразительно-славянская внешность.

— День добрый, — сказал я, когда она подошла достаточно близко.

— И тебе привет! Ты почему в столовую не идёшь? Давай скорее, там уже очередь образуется!

«Судя по всему, она меня достаточно хорошо знает, — значит, я здесь нахожусь как минимум один-два дня. У неё энергичный, инициативный стиль общения. Что ж, попробуем играть по её правилам».

— Ой, ой, а ведь и впрямь! — Я неуклюже замешкался, проверил карманы и скамейку.

— Идём! идём скорее!

Девчонка улыбнулась моей расторопности и повела меня по основному направлению большинства пионеров — в столовую.

В этот небольшой промежуток времени, от площади до столовой, я шёл по довольно широкой пыльной дороге и осматривался, в глубине души восхищаясь местностью: природа была очень оживлённая, такой, какая она бывает в пик своей жизни; на ветках чирикали воробьи, скворцы, соловьи, кукушка где-то далеко отсчитывала мои годы жизни; ласточки летали высоко в небе; в траве ползали вереницы муравьёв, стрекотали многочисленные кузнечики, летали, жужжа, майские жуки, пчёлы, которые иногда

нагтели и лезли в лицо самым решительным способом. Всё портило только солнце, этот упорный, вечно нависающий над головою круг, припекающий голову, нескромно раскаляющий воздух.

Не оставались без внимания и дома-полубочки, раскинувшиеся по всей округе, с их владельцами, кишашими повсюду; многозначительный памятник в центре площади, который с высоты своего внушительного роста кидал свой надменный взор на прохожих; и наконец, столовая — широкое здание, с крыльцом и двойными дверями на парадном входе, с вытянутыми вверх, коптящими трубами, с толстыми стёклами и дородными советскими стенами, — несомненно, самое главное сооружение в лагере.

Дивясь на всё вышеупомянутое, я и не заметил, как девчонка, сопровождавшая меня, отстала уже почти у самой столовой, заболтавшись с кем-то из пионеров.

У дверей столовой меня ждало разочарование: образовалась большая неорганизованная очередь. Пришлось ждать. Дело продвигалось медленно, самотёком. Когда я продвинулся наполовину, сзади стали напирать всё новые и новые пионеры-едоки. Впереди я увидел какую-то девчонку с причудливым фиолетовым цветом волос, заплетённых в два симметричных небольших хвостика. Она стояла рядом с парадной дверью и не могла пройти: никто не пускал её. Я не мог закрыть на это глаза, и, когда подошёл довольно близко ко входу, на мгновение задержал напирющую толпу и пропустил пионерку вперёд. Та смущённо улыбнулась и опустила голову.

В тот же миг время как будто остановилось; наступила могильная тишина. Окружающие меня люди, кроме незнакомой фиолетоволосой пионерки, пропали. Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Резко потемнело; исчезли все строения. Солнце незаметно сменила полная Луна. Она излучала свой серебристый свет по всей безмерной и тёмной округе. Под ногами ничего не было; я стоял в пространстве наедине с незнакомкой, а свет уходил в безмерный низ, в никуда. Под ногами незнакомки лунный свет выделил раскинувшиеся толстые корни, выходящие прямо из-под её ног. Вместо лица её я увидел зелёный, ещё не раскрывшийся бутон; он крепился на тонком стебле, заменяя шею девчонки. Он медленно приоткрылся в искривлённой, бессмысленной улыбке; стал похож на беззубую, страшную пасть. Внутри не было никаких лепестков. Он издавал нутряные, не животные и не человеческие звуки, как бездушный и бессмысленный монстр. С этим внутренним, трескающим звуком Оно раззявило свою пасть, вытянуло стебель-шею и склонилось над моей головою. Повеяло холодом. Сердце лихорадочно заколотилось. Я почувствовал, как Оно нацелилось на добрую половину моей головы. Последовал хлопок: пасть резко захлопнулась. Наступила абсолютная тьма.

Мирские звуки стали возвращаться: вот где-то вдалеке зачирикал соловей, в траве затрещала кузнечик, в столовой слышались приглушённые голоса. Я открыл глаза. Вокруг уже никого не было; дверь в столовую открыта нараспашку, как раньше. Первое, что пришло мне в голову, когда вернулся дар мысли, — та незнакомая пионерка опасна. «Скорей всего, это было какое-то видение, — иначе быть не может. Спокойно».

Я решил не поддаваться панике и зайти в столовую. Пионеры сидели на своих местах, разговаривали, ели. Всё выглядело обыденно; никто не обратил на меня внимания. Мне нужно было найти своё место. Вожатой нигде не было видно, поэтому я решил обратиться к поварихе. Она дала мне положенную порцию и определила место за столом с двумя пионерами: какой-то младшей красноволосой девочкой лет тринадцати и где-то семнадцатилетним подростком, на вид тёмным и ничем не примечательным. Я подошёл к ним и поздоровался. Между ними явно что-то произошло: семнадцатилетний подросток хмурился.

— А, садись, садись! — сказала младшая.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Ничего такого, — бойко ответила младшая, сангвинически улыбаясь, — сейчас всё исправим! — и экстренно удалилась с тарелкой своего соседа по столу.

Я уселся напротив подростка поудобнее и стал ждать, что же будет дальше. Инстинкт подсказывал, что сейчас случится что-то интересное. Так оно и получилось: младшая девочка пришла с тарелкой, на которой дымились свежая котлета, и поставила её перед носом подростка; тот, не подозревая ничего, подцепил котлету вилкой и тотчас лицо его исказил ужас. Я всё понял, когда он уже вскочил, опрокинув стул: с его тарелки быстро выползла сколопендра, не очень крупная, но достаточно мерзкая на вид. Я быстро отреагировал: схватил свою вилку и со всей силы пригвоздил членистоногое к столу.

— Опасность устранена! — крикнул я на всю столовую.

Красноволосая девочка со смехом выбежала вон. Подросток отреагировал и кинулся за ней. Я впал в эйфорию и громко засмеялся. На шум пришла вожатая. Схватив с собой свою котлету с хлебом, мне пришлось спешно удалиться, чтобы не быть замеченным в беспорядках. Пока в столовой разворачивалось следствие, я радостно бежал по пыльной дороге в сторону площади.

На площади меня ждал неприятный сюрприз: там с книжкой в руках сидела та же самая девочка с фиолетовыми волосами, которую я недавно видел на крыльце столовой. Она читала «Унесённые ветром». Не замечая её во время нравственного блаженства, я, жуя свой бутерброд, подошёл слишком близко и тут же испугался, когда заметил её. Радость моя от случившейся перепалки в миг оборвалась. Сам не зная почему, я убежал в паническом страхе в лес. Девчонка успела только удивлённо посмотреть на меня.

Запыхиваясь от бега, я очнулся уже где-то посреди поляны. Вокруг не было никаких тропинок или ориентиров. Глухой лес окружал меня.

«От таких надо держаться подальше; я это сразу понял, когда увидел её», — подумал я.

Что-то пугало меня в этой пионерке. При виде её животный страх передавался всему моему существу, включая ноги. Я не мог контролировать себя, когда убегал. Такой факт не веселил меня, ибо самоконтроль был главным оружием в моём арсенале. Мой

бессознательный побег — это самый худший поступок, который я сегодня совершил (по крайней мере из тех, которые помню). Так или иначе, горевать — это не моя тактика. Нужно выбираться. Но сегодня удача отвернулась от меня совершенно: пошёл мелкий дождь.

«Этого ещё не хватало».

Я быстро стал искать выход к лагерю: вымокнуть до нитки не входило в мои планы. Дождь всё усиливался и вскоре перешёл в ливень. Мои попытки найти хоть какую-нибудь тропинку оказались безуспешными. Я часа два бродил в лесу под дождём и успел промокнуть до нитки, пока наконец не вышел к обособленному от остальных домику на границе лагеря. Он был такой же, как и все, — скромной полубочкой.

Как какой-нибудь французский шаромыжник, я поспешил под кровлю. Внутри никого не было. Тем лучше. Я снял обувь, носки, оставил их у входа, зашёл и осмотрелся: заправленная постель, шкаф, комод, тумбочка, ковёр посередине; на комодке ключи и какая-то книжка; все вещи выглядят постоно, неприятно.

«Обстановка слишком искусственная. Здесь что-то не так. Владелец этого дома как будто что-то скрывает. На комодке есть ключи, дверь осталась открытой. Значит, владелец вышел ненадолго и решил не закрывать дверь. У меня мало времени».

Я подошёл поближе к комоду, чтобы лучше рассмотреть оставленные вещи, и вдруг вздрогнул: на нём лежала книжка «Унесённые ветром». Мурашки волной прошли по всему телу.

«Это дом той самой пионерки! Тогда она читала именно эту книжку на площади!» — подумал я.

Я отодвинул первый ящик комода: карандаши, альбом.

«Она умеет рисовать?»

Второй ящик: подстеленные газеты, а на них то ли тетрадка, то ли книга... дневник?

«Это дневник? Если да, то она скорей всего не очень общительна. Это хорошо, — некому будет помочь во время опасности».

Третий ящик: синяя папка, но как-то неестественно лежит...

Я приподнял папку и нашёл под ней нож, взял его.

«Не такой уж и острый. Похож на столовый. Это то, чего я так боялся?»

Я вышел и закрыл за собой дверь. Дождь закончился. Я обулся, вышел из-под козырька домика и выкинул нож далеко в лес. Опасность устранена. Постепенно пионеры стали наполнять лагерь, шуметь; дороги и тропинки стали грязными: дождь промочил пыль.

Я шёл по одной из таких дорог на площадь, снимая мокрую рубашку. Слева от меня были ворота. Дорога, которая вела к ним, проходила через полноценные квадратные дома — кружки пионеров; на одном из таких зданий была надпись: «Кибернетики».

Я решил пройти к воротам и посмотреть, что же там снаружи. Выйдя за ворота, я увидел поле и дорогу, ведущую вдаль и уставленную столбами, а за полем снова был лес. Я заметил радугу в небе. Она раскинулась от дальнего леса на той стороне поля до далёкой дороги, ведущей за горизонт. Выжимая рубашку, я любовался представшим предо мною видом.

Настроение понемногу поднималось. Я старательно трепал сорочкой, пытаюсь выбить из неё последнюю воду. Солнце приятно грело плечи и сушило голову. От дела меня отвлек знакомый голос:

— Советов!

Это была та самая славянка с длинной светлой косой, которую я встречал сегодня на площади.

— Хороший сейчас дождик прошёл, — сказал я, — хоть остудил тут всё, а то это солнце загнало бы меня в гроб.

— Ты чего, под дождь попал? Пошли, я тебе сухую форму дам.

Я обернулся. Внимание моё привлекла не пионерка, а арка ворот. «Совёнок», — было написано там большими металлическими буквами.

«А что, если...» — только хотел подумать я, как славянка сказала:

— И не вздумай менять надпись; я тебя знаю!

— Откуда ты догадалась? — в недоумении спросил я.

— Ты всегда заходил слишком далеко со своими шуточками. У тебя хватит смелости сменить название.

— Но ведь «Советов» будет смотреться намного выигрышнее «Совёнка»! Почему нет?

— Нет! Это не твой лагерь!

— Да почему не мой? Почему вы не хотите покориться такому грандиозному монарху, как я? Я всего лишь прошу расстрелять половину лагеря, повесить администрацию и ввести крепостничество! Разве я много прошу? — сокрушался я. — Почему я не могу получить такое ничтожное владение? Вам что, жалко своим несчастных, никому не нужных и бессмысленных жизнью?..

Славянка воспринимала всё несерьёзно.

— Ты будешь рубашку менять или и дальше продолжишь дурачка валять? — сказала она.

— Ладно, веди, — смиренно сказал я.

Мы пошли обратно в лагерь. Славянка выдала мне чистый комплект одежды и отправила переодеваться в туалет. Туда я и пошёл с комплектом в руках, оставив ей прежнюю мокрую рубашку.

Туалет находился недалеко от умывальников; одна из развилок площади, по которой я пошёл по совету светловолосой, привела меня прямо к нему. Внутри никого не было, кроме какого-то мальчика. Он курил и глядел в мутное окно. Я переоделся в одной из кабинок, запихнул прежние шорты в унитаз и подошёл к курильщику.

— Курить вредно, — сказал я и отобрал сигарету.

— Ну!.. — возразил он, но осёкся.

— Выпорю! — сказал я, сунул сигарету в зубы и вышел.

Мой путь лежал в обход площади. Мне хотелось снова уйти в лес, отдохнуть, найти себе удобное место, покурить. Избегая людей и идя наиболее пустынными путями, я шёл с сигаретой в зубах, дымил ей и осматривал домики. Все были похожи друг на друга. Я проходил один из них, обвитый сиренью, и вдруг услышал приглушённый голос, явно женский, но не подростковый, а чуть постарше. Он доносился из того самого домика,

оплетённого сиренью. Это вожатая отчитывала какого-то пионера. Стали разборчивы слова:

— Ты понимаешь, что курить вредно?! Сколько лекций было на эту тему! Почему ты никого не слушаешь? Ещё раз увижу сигарету во рту — вылетишь отсюда, поняла?

Я преспокойно проходил мимо и заметил, как молодая женщина, лет двадцати шести, иступлённо кричит на рыжую пионерку. Рыжая виновато клонила голову, отводя её чуть в сторону, и морщилась так, будто голос вожатой был слишком громок для неё. И вдруг она увидела меня с сигаретой. Лицо её мгновенно изменилось, как если бы мимо проходил не я, а сам демон-искуситель. Она в недоумении вылипилась на меня, а я не стал обращать на это особое внимание и прошёл дальше, не останавливаясь. Мой путь никак не изменился.

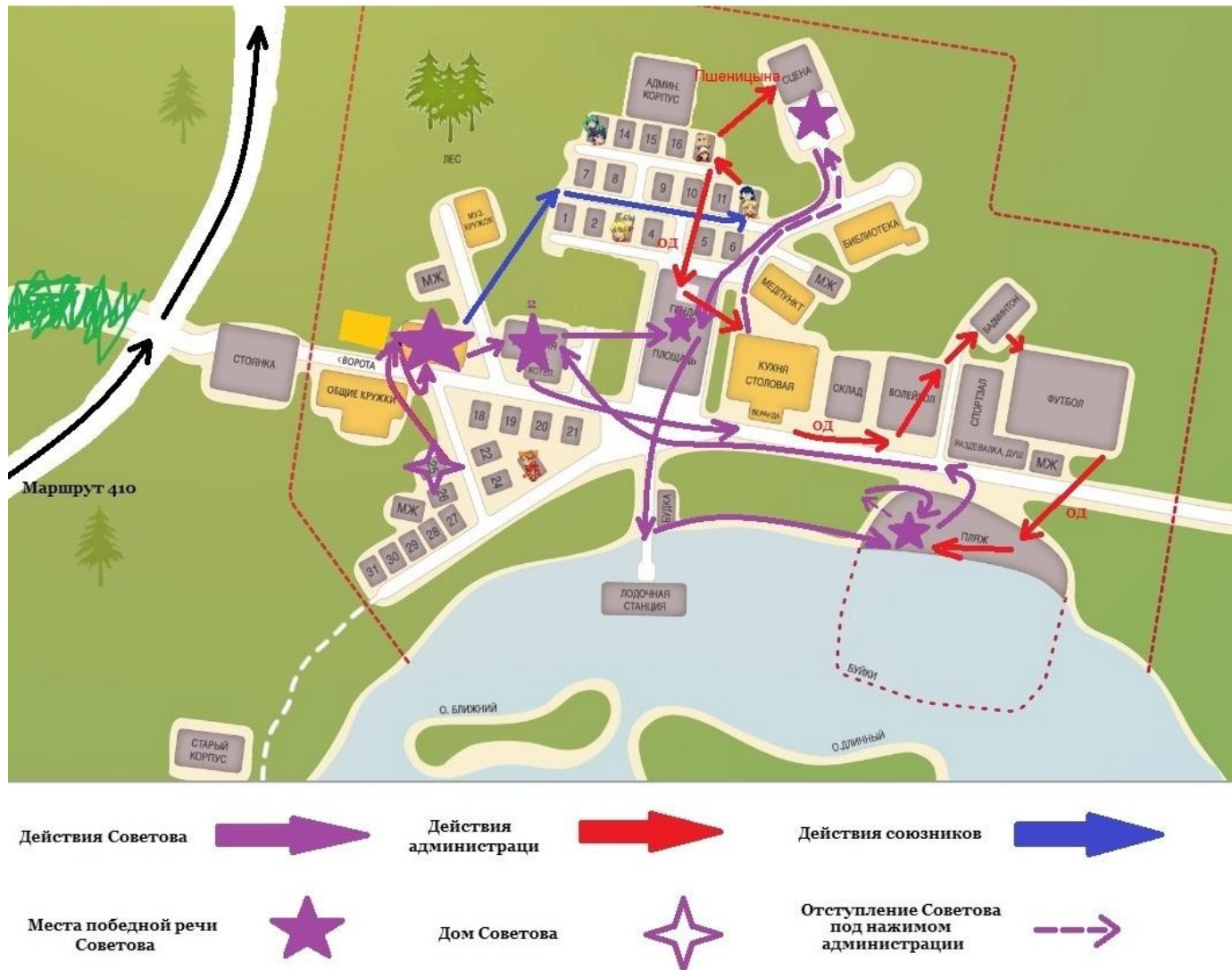
«Конечно, курить вредно, но то ли дело я! Мне уже двадцать семь лет, а она ещё молода», — подумал я, затянувшись заканчивающейся сигаретой.

Глава III¹

Пропаганда

¹ Здесь пропущена вторая глава, непрошедшая цензуру и беспощадно вырезанная. Речи о её возвращении быть не может. Рукопись полностью сожжена и восстановить её уже никак нельзя. Мы можем сказать только, что она называлась «Шпионаж» и что деятельность Советова в ней заключалась в тщательном ознакомлении со всем лагерем и его обитателями. Советов узнаёт нужные ему имена и фамилии, но никак не может выяснить, где он находится и что было в его ближайшем прошлом.

Пропаганда лагеря Советовым в третьей главе

На следующий день я встал пораньше. По плану должен быть моцион перед едой; времени для этого оставалось предостаточно. Обычно все пионеры собираются утром на линейку, но её сегодня отменили. Наша вожатая будет ловить всех бездельников в лагере и каждому давать задание; некоторых она поймает в столовой, некоторых ошивающимися по площади, а те, кто в лесу, рано или поздно сами выйдут поесть. Система вполне работает, не считая некоторых исключений, однако на эти исключения не подействовала бы и линейка.

Я вышел из своего домика. Облачно. Солнце то скрывалось, то вновь показывалось из-за облаков. Недолго думая, я направился по аллее. Энергично мотая руками в разные

стороны, я миновал жилую местность. С утра почти никого не было на улицах, — только пара самых деятельных пионеров присутствовала на окраинах леса, убирая мусор.

«О! а вот и мои будущие крепостные смерды за работой», — подумал я.

Планы по закабалению были ещё в далёкой перспективе, но я уже примерно представлял себе будущее хозяйство.

Славяна Пшеницына

Решив направиться за ворота, я проходил мимо квадратных зданий кружков и вдруг услышал голоса. Они доносились из кружка кибернетиков. В одном из них явно узнавался голос Пшеницыной. Я не преминул возможности внедриться в лагерную жизнь и со всей французской грацией проскользнул между домами, прислонясь к правой стенке нужного здания. Спорили голоса достаточно громко, чтобы всё слышать. Первой послышалась Пшеницына:

— ...не берите, нельзя. Это запрещено.

— Но почему?! Это же во имя науки! — трещал оппонент. — Да и к тому же, кому нужен этот старый трансформатор со склада?

— Потому что нельзя, и всё! Не положено. А если это повторится — я всё Ольге Дмитриевне расскажу!

— Ну Слава! — взмолилось было третье лицо, но тут дверь хлопнула и, как видно, Пшеницына удалилась.

Я дождался, пока Пшеницына окончательно скроется, и решил зайти. В здании сидели двое белобрых пионеров: один в очках, другой без. Тот, что был без очков, при виде меня встал, но сказать ничего не успел.

— Доброе утро, господа! — начал я. — Мне довелось услышать ваш горячий спор, и вот решил заглянуть. Что случилось? Как истинному борцу за науку и прогресс, я хотел бы знать подробности вашего дела. Неужели нашу советскую науку притесняют?!

Моя речь явно подействовала на кибернетиков. Они оживились. Тот, что был в очках, тут же воскликнул:

— Я знал, что на свете есть сочувствующие люди! знал! Вы как раз кстати, — мы здесь терпим невежество! Как, как же ваше имя? Присаживайтесь же!

— Меня зовут Советов. Приятно познакомиться, — сказал я и сел.

— Очень приятно! — продолжал пионер с очками, — а меня зовут Попов Александр. Это вот, — Попов указал на своего компаньона, — товарищ Сыроежкин, мой помощник. Сыроежкин засуетился и пожал мне руку.

— В чём же дело, вы мне расскажете?

— О, это гнусная история. Нас постоянно притесняют. Здесь недалеко есть склад, а в нём хранится старый трансформатор. Он нужен нам для постройки одного робота. Мы вложили в него уже столько усилий! и осталось только найти пару недостающих деталей, чтобы его запустить, но проклятая помощница вожатой, Славяна Пшеницына, запретила нам трогать трансформатор. При этом она заставляет нас так долго работать в лагере, что на робота больше не остаётся времени! Из-за этого дело идёт медленно. И ещё нам нужны люди! Без поддержки нам не справиться!

— Что ж, господа, тут нужно подумать...

Попов и Сыроежкин выжидающе посмотрели на меня. Я задумался: «Заклучить с ними союз — хорошая идея, ведь тогда у меня будут какие-никакие сторонники. Их недовольство будет мне только на руку». План постепенно созрел в моей голове.

— Решено! — вдруг резко произнёс я. — С этого момента мы отказываемся работать, пока нам не предоставят трансформатор! Предъявим Пшеницыне петицию!

Кибернетики восторженно вскрикнули.

— А что же мы напишем? — спросил Попов.

— Что мы отказываемся работать, пока нам не выдадут старый трансформатор из склада. Я лично подпишу бумагу! У вас есть где писать?

Сыроежкин засуетился. Через минуту передо мною лежал лист, а в руке была ручка. Я написал следующие:

«Мы, нижеподписавшиеся, отказываемся от любой лагерной работы, пока кружку кибернетиков не выдадут старый трансформатор из склада в количестве одной штуки. Вышеобозначенный трансформатор требуется кружку для продолжения деятельности во имя науки. Просим проявить понимание и пойти на уступки в сложившейся ситуации», — и поставил размашистую подпись: «*Sovietov*».

— Вот, извольте ознакомиться, — сказал я и подал листок Попову. Тот внимательно всё прочитал и спросил:

— А к чему такая точность? Обязательно указывать «в количестве одной штуки»?

— Всенепременнейше, дорогой друг! Канцелярские бумаги требуют точности! Уж поверьте моему опыту.

Попов кивнул и подписал бумагу; то же сделал и Сыроежкин. Таким образом, наш союз был утверждён.

— Доставьте это властям, — сказал я, — а сейчас я пока что удалюсь. Для успеха нашего предприятия нужно сделать ещё кое-что.

— Спасибо вам, Советов! — сказал мне в след Сыроежкин.

— Au revoir! — ответил я и закрыл за собой дверь.

Дело было сделано. Переговоры прошли успешно. Однако я совершенно вымотался; нужно хотя бы умыться. С этой мыслью я отправился к умывальникам.

Керамические раковины с кранами, крепящиеся на бетонной основе снизу, накрывались полупрозрачными козырьками, стройно располагаясь двумя ровными линиями прямо под открытым небом. В каждом кране была ледяная вода из недр земли, — советские рабочие постарались на славу. К такой воде я был не привык, но другой не было. Немного освежившись, я поймал в траве кузнечика, уселся с ним неподалёку и принялся разглядывать его. Насекомое упорно порывалось сбежать.

— Привет, — раздался сзади знакомый голос. Я как бы нехотя обернулся и опознал обратившуюся ко мне пионерку. Это была Алиса Двачевская, бунтарка и вторая по лагерю разбойница. Её рыжий профиль иногда напоминал демона преисподней; глаза всегда сверкали задумчиво и игриво. Она-то и подходила на роль главного сподвижника моей ближайшей революции. Хотя я и не полностью выработал свой план, но она в нём точно будет участвовать. Но всему своё время. Даже у меня есть свои правила. Я прекрасно понимал, что сразу пустить её в дело будет невозможно, — нужна изящная теория. Случай для пропаганды подвернулся удачный.

— Утро доброе, — сказал я.

— Что ты тут делаешь? — спросила она, глядя на пленного кузнечика.

— Ничего. Алиса, ты веришь в бога? — внезапно спросил я.

— А что?

«Уход от ответа на простые вопросы — признак недоверия, глупости или дружбы? Сейчас посмотрим», — подумал я.

— Добро и зло — понятия растяжимые. Им нужна определённости, но где её взять? Я долго думал над тем, что же такое добро и зло. Если я, например, оторву две задние лапки этому насекомому, с помощью которых он прыгает, я сделаю плохо или хорошо?

— И тут я действительно осуществил намеренное — показательно оторвал кузнечнику его длинные лапки. Алиса смотрела на это с интересом. — Смотри, теперь ему, кажется, больно; он страдает. Убью ли я его? Нет, отпущу таким. Без главных лап он сможет только ползать, но я не добыю его. — С этими словами я выкинул кузнечика в траву. — Как думаешь теперь, плохо ли это? А что, если применить то же самое к человеку? Кто нас рассудит? — бог? Почему в мире есть зло, когда существует бог? Потому что есть дьявол? Если бог всемогущий, тогда почему он не отменит дьявола? Почему он позволяет происходить злу, если стремится к добру? Если бога нет, тогда кто истинный судья мне? Кто, кроме бога, знает весь мир, чтобы судить объективно? Остаюсь только я сам со своей совестью. Но если совесть позволяет мне делать всё, тогда где истина, добро и зло? Как нужно поступать?

Я выдержал паузу. Двачевская молчала.

— Я не имею права судить субъективно, но я имею право поступать так, как считаю нужным, если у меня есть сила. Бонопарте не думал о том, будет ли хорошо всем, когда переправлялся через Неман. Он вообще не предпринимал никаких попыток анализа своих действий. Человек никогда не анализирует то, что делает, когда он это делает. Французские стратеги хотели разъединить Россию на отдельные полузависимые участки. Что же им помешало это сделать? Сила сходится с другой силой, и только сила решает, кто прав, а кто виноват. В бою встречаются два противоречия, одно из которых неизбежно потерпит поражение. Победитель всегда прав. Эти правила придумал не бог, — они сами себя выдвинули. Это правила победителя. В то время, как наполеоновские войска грабили Италию, это воспринималось как победное шествие и наведения порядка. Бонопарте был оправдан своими подчинёнными как грандиозный завоеватель, а итальянцы боялись и признавали его. Но как только он проиграл войну, — сразу же стал во всём не прав, превратился в мирового злодея и был сослан на остров.

Здесь я остановился и окончательно умолк. Речь выдалась сложной.

— То есть ты хочешь сказать... — начала было Двачевская, но я остановил её:

— Подумай об этом.

Я не торопясь встал, обтряхнул шорты от земли и побрёл прочь, оставив Двачевскую наедине с её мыслями. Этот урок должен подействовать на неё, если в ней есть место для настоящего зла. Время покажет, сможет ли прорасти моё семя зла в этом человеке.

Алиса Двачевская

«Всё это было только начало. Настоящая деятельность начнётся уже потом. Для революции нужен зрелый ум. В небольших молодых массах легко пропагандировать. Вся успешность моей операции в моём опыте, превышающем любой опыт местного пионера или вожатого. «Совёнок» каким-то образом омолодил меня, и это послужило хорошей маскировкой. Из старших никто не воспринимает всерьёз угрозы, которые

исходят из моей деятельности. Такое идеальное начало революции нельзя испортить; нужно действовать настойчиво. Моя петиция даст начало большому делу: она заставит Пшеницыну нервничать, и в конце концов она сдастся — если не по-хорошему, то уж точно по-плохому. Моё воззвание к Двачевской было лишь пустыми словами, но неопытному подростку легко внушить любую идею. Именно идея, крепко засевшая в головах и подкреплённая фактами, может устроить погром старым порядкам. В неё должны верить, и в неё будут верить. Пока мы оторваны от внешнего мира, настоящие власти не смогут помочь учреждённым работникам этого лагеря. «Совёнок» пожрёт Советов не для того, чтобы захватить настоящую власть; моя революция не пойдёт дальше этого лагеря, но она станет символом. Советовщина расползётся как оползень, охватывая всё новые районы и области. Советская власть рано или поздно падёт под её напором. Моя революция — это первый шаг к более масштабной революции. Людям нужно только показать путь, подлить масла в огонь, и она сами начнут разгораться до гигантских размеров. Советовщина станет народным символом борьбы с властью, и главным катализатором идеи буду я, однако не её исполнителем».

С этими мыслями я ходил кругами по лагерю и не замечал никого, пока наконец не раздался сигнал к завтраку. Я отправился в столовую. Там произошёл разговор с вожатой.

— Антон! — позвала меня она, когда я уже почти доел гречневую кашу. Это стало для меня неожиданностью, однако я решил действовать покладисто.

— Ольга Дмитриевна! здравствуйте! — я приложил руку к голове на манер пионера. — Антон Павлович Советов к вашим услугам!

Вожатая слегка растерялась. Видимо, я переборщил.

— Сегодня ты помогаешь Славяне с уборкой, — сказала она. — Как доешь, сходи к ней на площадь.

— Всенепременно, Ольга Дмитриевна! Буду стараться изо всех сил ради нашего процветающего лагеря.

— Вот молодец, настоящий пионер!

Я быстро доел, буквально доглотал кашу и под восторженным взглядом вожатой как можно быстрее покинул здание. Опасность разоблачения миновала!

«Вожатая ничего не знает о петиции, — значит, кибернетики её не предъявляли вовсе, либо Пшеницына ничего не рассказала. В обоих случаях сначала нужно проверить всё у самой Пшеницыной. Ольга Дмитриевна сказала, что она работает на сцене. Что ж, пойду и я...»

Солнце светило в полную силу. Утро постепенно переходило в полдень. Я доплёлся до сцены и, действительно, увидел там Славяну Пшеницыну, помощницу вожатой и главную копротивленку моего режима. Она мыла сцену. В моих планах подразумевалось, что если её идеология падёт перед моей, то моя победа будет обеспечена. Однако переманить на мою сторону помощницу вожатой, блюстительницу порядка и коммунистку, будет очень непросто. Здесь нужен неспешный, методичный подход к делу; требовалась борьба и на словах, и на делах.

— Советов! что это ещё значит?! — крикнула она мне ещё издалека. По её настрою я понял, что она в бешенстве.

— Bonjour! — вежливо ответил я и поклонился.

— Прекрати кривляться! Я получила от кибернетиков бумажку с твоей подписью. Что это ты там выдумал со своей компанией?..

— Это не бумажка, а письменное выражение наших требований — петиция. Мы отказываемся работать, пока кружку кибернетиков не выдадут старый трансформатор из склада, — осадил я. — Недавно я разговаривал с вожатой и прямо объявил ей наши требования.

Пшеницына опешила.

— В-вам это просто так с рук не сойдёт!..

— Тебе тоже не советую прогибаться под рабскую власть, ведь моя политика всё равно возьмёт верх.

— Это мы ещё посмотрим! Вот расскажу всё Ольге Дмитриевне...

— Я же сказал, что она и так уже всё знает. Ты бы лучше за себя подумала, — сказал я.

— Ты заходишь со своими шутками слишком далеко!

Я ей ничего на это не ответил. Спорить с ней сейчас — лишняя трата времени. Нужно чтобы она поразмыслила над этим инцидентом сама с собой. Моей целью было только зародить в ней сомнения, сделав многозначительный вид, но не искать истину мира.

Она ушла, истерично бросив швабру на сцену. Сейчас мне было очень важно знать, куда она пошла. Если к вожатой — дело обернётся хуже, если уединиться для размышлений — лучше. Итог будет один в любом случае, но действия разные. Со временем я всё узнаю.

Я зашёл на сцену, приставил швабру к стене и двумя ударами ноги переломил её. Это должно на неё подействовать, когда она увидит. Пшеницына частью души стоит на моей стороне, но ей не даёт ход её прошлое, уставы. Страсть к разрушению лежит в каждом человеке, однако не в каждом её легко разжечь. Уязвимость Пшеницыной состоит в её небольшом опыте и молодом возрасте. Возможно, она знает, что права, но она всё же борется с собой. Две стороны, тёмная и светлая, начали эту борьбу, когда я разбудил одну из них. Без моей помощи тёмная сторона не одержит верх, но пока моё влияние есть, то и светлая сторона просто так не сможет восторжествовать. Если она расскажет всё Ольге Дмитриевне, то это будет значить, что светлая сторона перевесила тёмную, но не победила. Победа в конечном итоге решится в генеральном сражении. В нём будут участвовать все её дела и сомнения.

Мне захотелось побыть одному. План по захвату лагеря ещё не полностью созрел в моей голове: не хватало чего-то важного, ключевого. Я вышел на площадь, но её шум не давал сосредоточиться, и тогда я отправился к лодочной пристани на юге. Волны блаженно накатывали на берег. Длинная береговая линия, покрытая песком, тянулась в две стороны: одна сторона вела к пляжу, где сейчас собирались самые ленивые пионеры, чтобы отдохнуть после еды, другая — прочь от лагеря, за ограду.

Я в задумчивости шёл по песку. Нужно было полностью продумать план дальнейших действий. То, что сначала требуется агитация, я знал; что вожатую и Унылову нужно

убрать любым способом, я тоже знал; но вот что касается самого лагеря — это я окончательно ещё не мог решить. Переименовать его в «Советов»? Уничтожить половину пионеров в качестве демонстрации серьёзных намерений и мощи? Но как это сделать? Части мозаики не хватало.

Пока я размышлял, береговая линия вывела меня к пляжу. Солнце беспощадно жарило на всю свою силу.

«Чёрт, ну и жарит!» — подумал я.

И тут я увидел интересную картину. На пляже сидели трое знакомых лиц, основав что-то вроде кружка: невзрачный Семён Персунов, сангвиническая Ульянка и демоническая Алиса Двачевская. Эта компания, как видно, загорала. Ульянка поймала рака и игралась с ним. Двачевская лениво наблюдала за происходящим, а вот Персунов был явно недоволен живодёрством. Снова разыгрывалась интригующая сценка. Такой момент нельзя было упустить. Конечно, Ульянка мастер поджогов, но её деятельности не хватало для настоящего пожара. На сцене должен появиться я, чтобы в нужный момент подлить бензин в огонь.

«Ещё одна проповедь на примере животного, значит?..»

Я подошёл и вежливо поздоровался:

— Моё почтение всей компании!

— Салют, — сказала Двачевская. Остальные не ответили: Ульянка была слишком занята, а Персунов слишком расстроен.

— Позвольте уточнить ваше занятие, — сказал я Ульянке, — вы мучаете животных?

— И ты тоже, Советов? — возмутилась Ульянка. — Что тут такого страшного?

— Тоже? Я? Помилуйте! я полностью разделяю вашу позицию! — дурачился я.

Персунов заинтересовался и сказал:

— Ты за то, чтобы мучать животных?

— Всенепременно, месье! До последней капли крови! — ответил я, предвкушая запах жареного.

— А ведь с виду и не скажешь, что (непечатное слово). Вот ты, оказывается, какой, — злобно ответил Персунов.

— Может быть, аргументируете свою позицию защиты животных?

— Так делают только живодёры.

— Но и многие фермеры убивают животных целыми пачками. Они тоже живодёры?

— Они делают это ради еды, а не ради издевательства.

Персунов проговорился. Вот что бывает, когда говоришь, не думая. Но воспользоваться случаем мне помешала вожатая, которая зачем-то заявила на пляже. Пока она болтала с какими-то пионерами вдалеке, я успел спрятаться в ближайшей роще. Сделал это я весьма кстати, ибо потом она подошла к нашему кружку, сказала, чтобы Ульянка не мучала животных, и, отобрав у неё рака, выбросила его в воду. Когда она удалилась, я вышел из рощи злым, снова подошёл к кружку и с гневом посмотрел вожатой в след.

«Она ещё за это поплатится...»

Ульянка до того испугалась меня, что вызвалась поймать нового рака:

— Сейчас другого поймаю! — сказала она и убежала к воде.

Персунов победоносно посмотрел на меня. Ольга Дмитриена всё испортила! Мной постепенно завладевал бесконтрольный гнев. Но Ульянка вовремя вернулась, сообщив приятную новость:

— Нашла прежнего! Не далеко его выкинули! Вот у него клешня подвёрнута, точно он!
— сказала она, весело вертя рака в руках.

Баланс был восстановлен. Я очень обрадовался подвернувшейся удаче, подобрался и решил продолжить спор.

— Отпустите его! — взмолился Персунов.

— Только если вы докажете нам эту надобность, — сразу подхватил я. — Давайте вспомним наш разговор. Вы утверждали, что живодёры мучают животных ради издевательства?

Персунов был загнан в тупик, но его бычье упрямство не давало из него выбраться. Он не мог просто так проиграть спор, и ему пришлось продолжить:

— Да, — ответил он. Это был слабый ход.

— А если всё-таки предположить, что они делают это ради удовольствия?

— Ну, это само собой, — решил Персунов.

— Но позвольте, тогда люди, которые убивают животных на фермах, не делают это ради денег или еды?

И тут Персунов решил сдать назад, но было уже слишком поздно. Его мозг заработал и стал всё анализировать, только когда хозяин упёрся рогом в стенку.

И скотоводы, и живодёры убивают животных ради удовольствия. У первых оно идёт так: они убивают животное и либо едят его, либо продают, получая деньги; у вторых же всё несколько по-другому — прямое убийство ради забавы. Оба пути ведут к удовольствию. Примерно так подумал Персунов, однако признавать своё поражение было ему под стать самоубийству, поэтому он отверг эту цепочку и продолжил защищаться.

— Допустим... — сказал он.

— А деньги и еда — это, по-вашему, не удовольствие? — сказал я.

— Они делают это для того, чтобы прокормить других людей.

«Решил пойти по кругу, значит?»

Для меня дальнейший спор не имел смысла. Моей целью не было доказательство, — ей была наглядность. Двачевская всё время внимательно слушала нас — и только этого мне и нужно. Спор был ради того, чтобы настроить её против всех, чтобы она перешла на мою сторону.

— Ну хорошо, — сказал я, — я понял вашу позицию. Вы абсолютно против того, чтобы мучить этого рака, я прав?

Персунов смиренно кивнул.

Тогда я взял рака у Ульянки и при всеобщем недоумении изящно, точно и наглядно, держа его за панцирь, оторвал три лапки сначала с одной стороны, а затем и с другой.

Последовала тишина. Персунов не сразу понял, что происходит. До него дошло, только когда я кинул ещё живого рака на песок. Тогда он встал, сделал нешуточную, многозначительную гримасу и ушёл, обиженный и оскорблённый моей дерзостью.

Я проследил за реакцией Двачевской, — никакой жалобы. Она даже не остановила уходящего Персунова. Ещё одна удачная лекция профессора Советова увенчалась успехом.

— Мне тоже, пожалуй, пора, — сказал я и собрался уходить.

Когда я сделал пару шагов, Двачевская окликнула меня:

— Советов, ты куда?

Я принял этот вопрос за нежелание так просто расставаться. Чтобы отвязаться от пионерки, я сказал:

— Пойду помоюсь. Жарковато сегодня.

По сути, это была правда. Мне действительно хотелось облить себя холодной водой. Двачевская отпустила меня, и я направился к умывальникам.

После помывки я сел недалеко от кранов и под тенью козырька попытался немного расслабиться. Сегодняшние речи мои отбирали у меня много сил, и приходилось пользоваться любым случаем для их восстановления. Остановиться я уже не мог. Механизм был запущен, и конечный итог зависел прежде всего от моей работы. Ещё многое оставалось сделать.

Я посмотрел на небо. Тихий ветерок трепал верхушки деревьев, а затем уходил обратно ввысь, сливаясь с потоками воздуха. Он умиротворительно действовал на меня. Солнце в своём зените грело охлаждённое от ледяной воды нутро. Через рубашку и кожу проникало внутрь приятное, доброе тепло. Мысли уходили прочь. Наконец-то наступало мирское спокойствие. Сидеть так можно целую вечность. Но всему рано или поздно приходит конец, даже если мы этого не хотим.

— Советов! — послышался издалека знакомый голос.

— Алиса сказала, что ты тут, — произнесла Пшеницына, когда подошла. Она тяжело дышала: явно пыталась поскорее найти меня.

— И ты пошла за мной в душ? — съязвил я.

Пшеницына ничуть не постыдилась. Наверное, уже привыкла к моим колкостям.

— Прекрати эти поджигательства! Семён всё мне рассказал! — напала она.

«Видимо, она про мои лекции. Персунов, значит, рассказал? Понятно... Очевидно, я недооценил их социальную структуру: Персунов является послушной крепостной пешкой, Пшеницына на побегушках у вожатой, а вожатая является здесь высшей формой администрации. Пешка оказалась неожиданностью даже для меня. В следующий раз нужно быть осторожнее».

— Он пожаловался на то, что я убил рака? — сказал я.

— Он мне всё рассказал. Советов, проблема не в том, что ты оторвал раку клешни, а в том, что ты при этом говорил. Это же холодная циничность! Настоящий пионер...

— Настоящих пионеров не бывает, — перебил я. — Они сами горят, а я лишь подбрасываю масло в огонь.

— Ради чего ты это делаешь? Неужели в тебе есть только бессмысленное зло?

«Для чего я это делаю? В самом деле, сложный вопрос. Я не знаю на него ответ. То, что я сегодня делал... Возможно, я действительно делаю это ради зла. Но зачем мне это зло?.. На это у меня не было ответа. Оставался только один вариант зла ради зла».

Ответить Пшеницыной мне не пришлось. Нас перебило неожиданное происшествие. Алиса Двачевская, та самая, на которую я возлагал надежды, наконец дала первые плоды. Эти плоды свалились на меня как снег на голову. Пока я, находясь в тупике, обдумывал свой ответ, Двачевская подскочила к Пшеницыной сзади и одним махом отстегнула ей ножницами добрую половину косы. Пшеницына пугливо взвизгнула, беспомощно закрывая голову, а Двачевская бросила ножницы и мигом сбежала с места преступления. В душе я ликовав и еле сдерживался от порыва радости. Перепуганная Славяна Пшеницына осталась с полуотрезанной косой в лёгком шоковом состоянии.

— Вот видишь! — радостно воскликнул я. — Остаётся только полностью отрезать её!

Сказав это, я победоносно отправился в сторону сбежавшей Двачевской.

— Это всё неправильно! — отчаянно крикнула мне вслед Пшеницына, с ужасно растрёпанными волосами. Такой я её и оставил.

Победа была налицо. Прогуливаясь по будущим своим владениям, наблюдая за тем, как холопы подметают мусор, я незаметно для самого себя пришёл на площадь. Там я застал ошивающегося бездельника Персунова, — наверно, ему дают какую-то льготу за стукачество. Вожатой нигде не было видно.

— День добрый! — сказал я, издевательски кланяясь. — Убирать мусор изволите, или так?..

— Чего тебе, Советов? — недоброжелательно ответил Персунов.

— Да так, решил вот посмотреть на главного доносчика в лагере, полюбоваться центральной фигурой доски, вкусить плод обиды и злости, так сказать...

Персунов хмурился и молчал.

— Только в следующий раз, — продолжал я, — иди за помощью к самой Ольге Дмитриевне, ибо Пшеницына уже не сможет тебе помочь.

— Что ты несёшь? — озадачился Персунов.

«Похоже, он не понимает своего положения. Попробуем пойти напрямик».

— Знаешь, Персунов, когда я захвачу этот лагерь, то не буду тебя убивать. Я оставляю тебя в живых, чтобы ты остался наедине со своими мыслями. Смерть — это всего лишь освобождение от тягот земных, а ментальные муки, такие, как ярость, гнев, непонимание, отчаянье, страх, апатия, — это истинные пытки, достойные ада.

Персунов злобно покосился на меня, но тут прозвучал сигнал к обеду. Персунов решил не испытывать судьбу и ушёл на обед. В какой-то мере это его спасло, ведь я мог сильно избить жалкого холопа. Я участвовал в самых разнообразных драках, у меня имелся богатый опыт. Был ли я разочарован таким ходом дела — сложно сказать, но всё же ударить мерзавца не отказался бы.

Я сплюнул в досаде.

Глава IV

Перекрыт

Всё могло бы быть по-другому, если происходило не в «Совёнке», а, скажем, в интернете, или в каком-нибудь населённом городе. Среда этих двух крайностей препятствует развитию революции. В первом случае — слишком либеральная обстановка, во втором — опасный контроль властей. Лагерь же — это золотая середина; в нём нет безответственной свободы и нет сильного давления со стороны администрации. Идеальная среда, которой так и тянет воспользоваться.

Единственная опасность, грозящая смертью, — Елена Унылова. Из-за её сложного характера ей нельзя доверять; она непредсказуема и безумна. Холодное оружие, которое я нашёл у неё в домике, было её решающим аргументом в споре. Благодаря моим действиям, она теперь не сможет им воспользоваться. Унылова есть персонаж, которого нужно убирать перед началом революции. В ней чувствуется та безумная интуиция, которая каким-то непостижимым образом видит меня насквозь. Как только я начну действовать, — она с высокой долей вероятности заметит подвох и всё испортит.

Сегодняшний день был полон событий, которые станут основой последних действий. По сути, и Пшеницына, и Двачевская почти полностью находятся под моим влиянием. Было тяжело сделать их своим оружием, но я сделал. Всё осталось в прошлом, и теперь начинается настоящее. Вечером этого же дня я снова встретился с Двачевской. На это время у меня был запланирован последний и самый сложный урок. Началось всё в северо-западном лесу. Я позвал Двачевскую с собой под предлогом погулять и поговорить.

— ...моментом пользоваться нужно всегда, — говорил я, — а если не сможешь — воспользуется другой. Людей жалеть нет смысла. Самый радикальный ум — есть ум мудреца. Когда ты уверен в своей правоте — всегда нужно действовать решительно и не бояться последствий. Вопрос состоит только в том, *сможешь ли ты переступить черту*. Некоторые так и остаются на слабой стороне и потом жалеют об этом всю жизнь. Они не горюют осмысленно, но они чувствуют, что что-то в их жизни идёт не так. Это чувство будет съедать таких людей изнутри, пока наконец не поглотит их...

Двачевская всё время внимательно меня слушала. Я приостановил свой монолог: кто-то идёт. В лесу есть много гуляющих пионеров, уклоняющихся от работы. Они и были истинной целью для моего урока.

Я резко присел и подал знак Двачевской соблюдать тишину. Она последовала моему примеру. Задумчивый пионер шёл, грустя ветками и ничего не замечая вокруг. Хорошо. Я взял кстати оказавшуюся рядом тяжёлую дубовую палку и, низко склоняя её к земле и присев, решительно ринулся на беспомощного пионера. Он даже не сразу заметил, что к нему приближаются. Как только он повернул голову на шум, я уже был в зоне досягаемости удара и со всей силы треснул ему по голове. Удар получился очень удачным: попал точно в лоб. Неизвестный пионер полетел наземь, упал на спину и даже

пискнуть не успел; из головы потекла кровь; он же сразу потерял сознание. После удара я тотчас выбросил кровавую палку и выпрямился. Мой счастливый смех тут же раздался по лесу. Двачевская отреагировала спокойно.

— Видишь? Здесь главное решимость, — сказал я, когда наконец пришёл в себя. — Пошли.

Мы благополучно вышли из леса и молча шли по вечерней площади. В голове я анализировал произошедшее: «Двачевская на удивление легко приняла мой урок. Не ожидал такого спокойствия. При этом её лицо изменилось, когда она опознала пострадавшего. Возможно, она его знает; также весьма вероятно, что он ей чем-то сильно насолил в прошлом». — Это были всего лишь мои догадки. Кто знает, что там случилось на самом деле, но факт остаётся фактом.

Утром следующего дня меня ждала неприятная неожиданность. Когда я выходил из домика, ко мне сзади подлетела Пшеницына. Её новый облик ошарашил меня, равно как и появление: радикально изменилась её причёска (косу она всё-таки отрезала и теперь была с короткими, до плеч, распущенными волосами). Только благодаря приобретённому за жизнь рефлексу я успел уклониться от прямого удара в лицо. Такое даже меня заставит оторопеть.

— Ты чего это? — в недоумении сказал я, отступая на безопасное расстояние. Пшеницына не думала возобновлять атаку.

— Ты совсем сдурел, Советов?! Что ты творишь вообще? — гневно прогремела она.

— А в чём собственно дело? — сказал я, быстро придя в себя: самоконтроль всегда был моей самой сильной стороной.

— Ты чуть не убил человека!

«Откуда она узнала? Со мной тогда была только Двачевская. Кто же мог рассказать ей? Неужели Двачевская вышла из-под контроля? Нет, это невозможно! Может быть, тот пионер уже очнулся и всё рассказал?»

И тогда у меня в голове созрел план, как выкрутиться из инцидента и одновременно проверить Двачевскую.

— Какого человека? Когда? — сказал я с нотками недопонимания.

— Вчера вечером. Не притворяйся, Советов, я всё знаю! Хотя сейчас он и без сознания, но мне всё рассказали! А когда он очнётся, то сможет всё подтвердить! Признайся честно, зачем ты это сделал?

«Значит, ей рассказал не тот пионер, которого я ударил. Улик, судя по всему, против меня тоже ещё не завезли. Хорошо, проверим Двачевскую».

— Ничего подобного я не делал, — смело заявил я. — Вчера вечером я всё время был с Двачевской. Мы гуляли за воротами в западном лесу, и она может это подтвердить.

Пшеницына засомневалась.

— Тогда пойдёт к ней сейчас, — сказала она.

Я согласился, и мы двинулись к домику Двачевской. Благо, он был неподалёку. Мы застали её одну, только вставшую с кровати с рассеянным видом, явно не понимавшую, зачем к ней заявилось столько людей.

— Привет, Алиса. Не расскажешь нам, где ты была вчера вечером? — сразу спросила Пшеницына.

Я решил не вмешиваться и понаблюдать за её реакцией. По поведению Славяны Пшеницыной уже можно считать, что Двачевская тут не при чём, но мне надо было точно удостовериться в этом.

— А?.. Я?.. Чего вы ко мне в дом вломились?! — опомнилась Двачевская.

— Алиса, это важно. Ответь, — сказала Пшеницына.

Двачевская многозначительно переглянулась со мной.

— Гуляла... — ответила она и зевнула.

— Где?

Я за спиной Пшеницыной показал на запад, намекая на лес.

— За воротами, — сказала Двачевская.

— А в лесу была?

Я закивал.

— Была, — ответила Двачевская.

— Одна?

Я ткнул себе пальцем в грудь.

— Нет, с Советовым, — сказала Двачевская.

Пшеницына озадачилась. Наступила тишина. Я и Двачевская ждали, что будет дальше.

— Вот Ульянка! — вспыхнула Пшеницына, — а ведь я ей ещё и поверила!

— Что? — сказал я, — Ульянка?

— Это она мне рассказала, что ты якобы ударил пионера в лесу.

«Так, так, так... Откуда она узнала? Неужели Ульянка следила за нами? Детское любопытство повело её? Хорошо, что всё выяснилось. Теперь-то она просто так не отвертится! Важно ещё узнать, рассказала ли Пшеницына всё вожатой».

— Вот шутница! — воскликнул я. — И ведь шутит не хуже меня, а то и лучше!

— Неужели ты это ещё и вожатой рассказала? — обратился я к Пшеницыной.

— Нет, — ответила та, — решила сначала всё у тебя выяснить.

Моя схема работала на ура. Пшеницына оказалась полностью подвластна мне. Что бы я теперь не делал, — она не расскажет вожатой ничего. Теперь я был уверен, что и про мою петицию вожатая до сих пор не знает. Пока что всё шло хорошо, но оступиться легко. Время торопило. Нужно было как можно быстрее придумать план.

Пшеницына извинилась за возникшее «недоразумение»; я распрощался с девчонками и оставил их. Теперь надо было найти укромное место, где никто не смог бы помешать мне составлению плана. Лес не подходил: сейчас появляться там опасно. Место нужно было искать где-то в лагере, и я его нашёл. Чуть ли не в самом центре «Совёнка», между столовой и складом, росло высокое дерево. Оно-то и привлекло моё внимание. Дерево оказалось очень раскидистое, с пышной кроной. Если я туда заберусь, никто меня не заметит, не считая самых глазастых. Поэтому я схватился за ствол и полез.

Наконец, я забрался на самый верх. Вид отсюда открывался наиполнейший: видно и домики пионеров, и всю площадь, и памятник, и пристань, и сцену, и кружки, и далеко раскинувшийся лес, а за ним ещё один интересный объект. Этот объект чрезвычайно заинтересовал меня. Далеко за лесом, если следовать от пристани по береговой линии в противоположную сторону от пляжа, можно наткнуться на скопление старых зданий. С моего дерева было видно главное здание, возвышавшееся над остальными, пустынную детскую площадку и несколько таких же домиков-бочек, как в «Совёнке», только разбитых и ветхих; наверное, на детской площадке карусель и качели были покрыты ржавчиной. Всё это было похоже на давно заброшенный лагерь. Даже с моего обзорного пункта было очевидно, что место это очень неприветливое и отталкивающее. Я интуитивно чувствовал, что там есть что-то интересное, притягивающее своей неизвестностью, но подсознательно боялся туда идти.

«Да, отсюда видно всё, — подумал я. — Самое время подумать о важных стратегических пунктах», — с этой мыслью я уселся поудобнее.

«Столовая — это, без сомнений, ключевой пункт; его я захвачу первым. Кружок кибернетиков — тоже важно: хоть они и союзники, но до поры до времени. Домик, обвитый сиренью, — главный штаб врага — и ещё один неподалёку, находящийся под моим контролем, — хотя такое опасное соседство рано или поздно может всё испортить. Остальные объекты нейтральны или не опасны; их я захвачу без особого труда», — так думал я. Назойливые мысли о заброшенном лагере я старался отметать, но они не давали мне покоя.

Небо потемнело. Солнце заменила полная Луна. Все здания превращались в такие же старые, полуразрушенные и ветхие, как и в заброшенном лагере, который видел я; деревья поблекли, пропала листва на ветвях. Откровенно мрачная атмосфера наступила. Стоял я на чёрной земле рядом с высоким деревом, растущим между столовой и складом. Звало меня что-то. «Вперёд», — говорило оно мне. И пошёл я по дороге мрачной в сторону площади. Идти тяжело: вязли ноги в почве. Медленно, но верно приближался я к центру лагеря; но вместо площади там оказался сад. Был он очень пышным, но одноцветным — тёмно-зелёным. Инстинкт подсказывал, чтобы я шёл именно туда. Отстраняя странную растительность, я продвигался в самый центр, всё больше погрязая в почве. В центре я увидел небольшую поляну; на ней росло что-то небольшое, но значимое. Знакомые органические и бессмысленные звуки дошли до ушей моих. Цветок на поляне распустил бутон. Цветок... И увидел я его. Был он чёрный, как смоль. Протянул я руку к нему и пошёл вперёд. Земля не пускала меня, изо всех сил мешала двигаться. Я почти добрался до цветка, но стал утопать. Земля забрала меня, но перед тем я успел сорвать его.

— Советов! Эй, Советов, хватит спать, — услышал я.

Ульянка металась вниз. Что произошло? Я знал, что произошло. Я также знал, что это были не простые видения. Теперь-то я понял, что мне нужно делать. Мозаика сложилась в одну картину. Цветок был у меня в кармане, — в этом я уверен на сто процентов.

«Линейку я, похоже, проспал», — подумал я, потирая глаза.

— Советов, что ты там делаешь? — кричала неугомонная девочка, тоже намереваясь залезть на дерево.

«Её жалобу я всё ещё помню, а она, похоже, уже нет. Что ж, пусть забирается. Будет удобный случай расплатиться с ней по полной».

— Эй, Ульянка, — крикнул я сверху, — лезь скорее, тут такой вид!

Упрашивать неугомонную не пришлось: когда я кричал эти слова, она была уже на полпути ко мне. И полетела бы вниз, если не одно обстоятельство, заинтересовавшее меня в крайней степени. В то время как Ульянка лезла ко мне наверх, я увидел знакомую рыжую фигуру с двумя короткими хвостиками, и ещё одну, тоже знакомую, с тёмными волосами и смуглой кожей,двигающуюся за первой: Персунов с Двачевской куда-то вместе шли. Я занял место поудобнее и стал внимательно следить за ними. В это время Ульянка залезла ко мне и села на противоположную толстую ветку; она проследила за моим взглядом и тоже заинтересовалась происходящим.

— Это же Алиса! — констатировала она.

— Ага... — сказал я, поглощённый наблюдением.

Тем временем две фигуры подошли к домику Двачевской и зашли в него. Минуту спустя из него вышла Двачевская и почему-то заперла дверь на ключ.

— Очень интересно! — сказал я случайно вслух, уже предчувствуя что-то трагичное. Радость разлилась по всему телу, и я еле сдерживался, чтобы случайно не свалиться за место Ульянки.

Дальше я увидел, как Двачевская поспешно уходит, чуть ли не бежит к домику Ольги Дмитриевны, резко открывает дверь и врывается к ней в покои. Всё происходило как на театральной сцене. Тем временем Семён, пару минут погодя после ухода Двачевской, выбирается из домика через окно и прячется в ближайших кустах. Двачевская же, как по пожарной тревоге, спешит обратно к своему домику, но уже не сама, а в сопровождении вожатой. Когда они подходят к домику, Двачевская что-то шумно объявляет и открывает двери. Заглянув внутрь, она тут же теряется, резко закрывает двери и дико оглядывается. Вожатая что-то у неё спрашивает и не получает ответа. Двачевская виновато опускает голову. Ольга Дмитриевна вдруг приходит в ярость, повышает голос до крика:

—...сколько можно уже? Одна история невероятнее другой просто!.. — слышались крики вожатой.

Для меня это была приятная «музыка». Я ещё никогда не видел вожатую такой злой. Мой разум наполняло удовлетворение; я блаженно прикрыл глаза. Настроение мгновенно поднялось до уровня эйфории, и я даже решил пощадить Ульянку. Мой голод зла был удовлетворён в полной мере.

Не помня себя от радости, я быстро спустился с дерева и, потеряв память, стал так смеяться, что чуть не упал в обморок.

Побежав по лагерю, я наконец пришёл в себя. План переворота остался ясным в моей голове. Мой путь лежал к вожатой. Нашёл я её на площади.

— Антон!..

«Шаг первый — искупление!» — подумал я и сразу выпалил:

— Ольга Дмитриевна, это я оглушил пионера в лесу!

— Антон, перестань так шутить... — сказала вожатая.

— Это не шутка! Я делаю чистосердечное признание!

Вожатая округлила глаза.

— Что?.. — сказала она.

После моего признания вожатая приняла решение посадить меня под домашний арест до конца смены, то есть на три дня. Позже я узнал от Пшеницыной, что и Двачевскую постигла та же участь. Ольга Дмитриевна поступила со мною слишком мягко. Причиной этому послужила моя репутация «настоящего» пионера перед вожатой, «чистосердечное» признание и заступничество Пшеницыной, на что я и рассчитывал. Вожатая сначала думала, что я кого-то покрываю, ведь очнувшийся пионер ничего не мог сказать о личности нападавшего. Однако Ольга Дмитриевна так и не смогла понять, кого же я могу покрывать. Двачевскую? По мнению вожатой, даже для неё оглушить пионера было бы слишком. Ульянку? Ещё менее вероятнее, даже перебор. Может быть, Попова или Сыроежкина? Нет, они тоже не подходят, — слишком миролюбивые для такого. Тогда Ольга Дмитриевна стала думать дальше и даже взялась за расследование. К тому времени Двачевская попала под «арест». У неё-то вожатая и узнала, что тот пионер, которого я чуть ли не убил, якобы когда-то домогался до Двачевской. Тогда-то Ольга Дмитриевна и пришла к выводу, что я ударил пионера из нравственных соображений. Моя мотивация оказалась для неё решённой. Это ещё один пункт, который действовал в мою пользу. В последствии все эти доводы оказали большое содействие моему плану.

Отличие Двачевской от Пшеницыной было в том, что вторая не додумывала ничего из того, что я ей говорю. Именно поэтому Пшеницыну сложнее было подвергнуть какой-либо псевдоидее. Что же касается Двачевской, то она даёт волю своей фантазии. Только я скажу, например, что добра и зла нет, то для неё это будет означать, что можно делать абсолютно всё и будешь прав априори. Она многое делает по-своему, но это всегда оборачивается положительными для меня последствиями. Мой выбор пал на Двачевскую именно потому, что в ней есть те черты, которые мне нужны; она хорошо подходила для борьбы против администрации, как ладья на шахматной доске; Пшеницына же по ценности была ферзём.

Надвигались главные события лагеря: вечерние танцы, а после них банкет в столовой. Для банкета нужен был торт. Я всё время искал встречи с вожатой, но она не давала мне такой возможности. Пшеницына была связующей между мной и вожатой. Её

заступничество хорошо послужило мне. Через неё я просил Ольгу Дмитриевну дать шанс к исправлению: разрешить мне помочь в приготовлении торта. После нескольких уговоров Пшеницына принесла мне положительную вестъ. Тогда я был на крыльце, — а разрешали мне выходить только на крыльцо, — сидел под козырьком и считал воробьёв на ветках. Я не заметил того, как ко мне подошла Пшеницына. Она сказала:

— Можешь вздохнуть спокойно: вожатая наконец сдалась и разрешила тебе помочь в приготовлении торта, но только если я буду с тобой.

Я вскочил и крикнул:

— Отлично!

— Да тихо ты, не шуми так.

Я сел на перегородку и начал рассказывать стихи:

*Souvent, pour s'amuser, les hommes d'equipage
Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers,
Qui suivent, indolents compagnons de voyage,
Le navire glissant sur les gouffres amers.*

*A peine les ont-ils deposees sur les planches,
Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,
Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches
Comme des avirons trainer; cote d'eux.*

*Ce voyageur aile, comme il est gauche et veule!
Lui, naguere si beau, qu'il est comique et laid!
L'un agace son bec avec un brule-gueule,
L'autre mime, en boitant, l'infirme qui volait!*

*Le Poete est semblable au prince des nuees
Qui hante la tempete et se rit de l'archer;
Exile sur le sol au milieu des huees,
Ses ailes de geant l'empechent de marcher.*
[Когда в морском пути тоска грызет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу бури,
Застенчиво влачит, как два больших весла

Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилья

Летаешь в облаках, средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.]

Пшеницына, улыбаясь, смотрела на меня.

— Это французский? — спросила она.

— Да, — сказал я. — Идём, у нас ещё много работы. Танцы будут уже сегодня!

Следуя инструкциям вожатой, мы пошли к складу; там Пшеницына достала две корзинки. Затем мы пошли на лодочную станцию, отвязали одну лодку, и я погрёб на остров за ягодами. Вода была тихой; в небе кричали чайки; доносился приятный звук речных волн, — словом, всё было под стать спокойной, прибрежной атмосфере.

Грести оказалось не так легко, но и не так тяжело. На полпути я ощутил, что силы постепенно заканчивались, но догрести до острова без остановок всё же удалось. Я бросил вёсла и пошёл в лес; за мной последовала Пшеницына с двумя корзинками. Очень скоро я увидел первую ягоду и, немедленно сорвав её, уселся рядом с деревом, уткнувшись в него спиной.

— Давай сначала передохнём. Устал от вёсел, — сказал я, отрывая от ягоды зелень.

Пшеницына не возражала.

— Советов, зачем ты всё это делаешь? — спросила она, не удержавшись от соблазна устроить мне допрос.

Я понимал, что это не совсем допрос: ей нужно было понять всё то, чему я заложил начало; она законно требовала объяснений.

— Чтобы искупить свою вину. — Я прекрасно знал, о чём она спрашивает, но решил действовать осторожно. Пусть сама задаст нужную ей тему.

— А до этого? — сказала Пшеницына. — Почему ты, к примеру, бил пионера, или провоцировал Семёна?

— Потому что этот лагерь, — да и вся страна в целом — погрязли во лжи. Зачем мы, например, носим эту форму? Зачем мы живём здесь? Зачем мы ходим каждое утро на линейку? Зачем идем в столовую только по сигналу? Где надобность того в будущем? Почему верить в единый порядок умно, а в разрозненный смешно?

— В советской России, — продолжал я, — как и в капиталистических странах, все на всю страну пляшут под одну дудку порядка. Маркс и Энгельс создали ещё одну призму, через которую смотрит наша страна. Мы обобщили *всё* вне зависимости от ситуации. А если ты сделаешь что-то не так, как надо, — тебя тут же тыкнут носом в идею коммунизма, а потом скажут, что ты поступил плохо, и расстреляют. Вот в чём здесь дело! Вот почему мне не нравится словосочетание вожатой «настоящий пионер»!

Я сказал то, что нужно было сказать. Она хотела это услышать и услышала. Конечно, это не было правдой, но я подобрал нужный момент, чтобы Пшеницына смогла поверить.

— Но почему ты делаешь только зло? — после короткой паузы сказала Пшеницына. — Почему ты не выберешь более гуманный метод?

На это у меня не было ответа. Я делал всё, не думая о гуманности. Мой разум будто бы сам просил жертв. Я насыщался страданиями других людей не для удовольствия, —

хотя оно тоже имело место быть, — но больше для удовлетворения в какой-то странной, необъяснимой потребности. Как, например, человек ест, утоляя голод, так и я делаю зло, удовлетворяя мозг. Я не мог ничего объяснить Пшеницыной, потому что не мог объяснить это себе.

— Я уже достаточно отдохнул, — сказал я, — давай лучше оставим этот разговор на потом, а то не успеем вовремя.

Пшеницына не стала противоречить. Мы молча разбрелись кто куда и стали собирать ягоды. Через час я с полной корзинкой пришёл к лодке. Там уже ждала меня Пшеницына. И снова вёсла.

Мы отнесли землянику поварам через чёрный ход, и нам дали новое поручение: принести со склада два мешка муки и один мешок сахара. Расстояние не далёкое, поэтому задание было лёгким. Пшеницына достала ключи, открыла дверь склада. Я один за другим перетаскал мешки. Когда я нёс последний, Пшеницына оставила меня одного и пошла закрывать склад. Повара, который руководил процессом, позвали по какому-то делу. Это была идеальная возможность. Оставив в подсобке мешок с сахаром, я зашёл в одну из комнат, где готовился торт. По близости никого не было. Посреди стояла большая кастрюля с тестом. Я вытащил из кармана цветок. Внешне он был неприязнителен, похож на одуванчик, только не жёлтый, а чёрный. Я оторвал несколько ещё не расцветших семян и побросал их в кастрюлю, затем перемешал тесто. Всё готово; осталось только дожидаться вечеринки.

Я благополучно вышел из столовой и встретил Пшеницыну. Мы выполнили ещё пару мелких поручений; моё рвение к работе приостыло, и вскоре нам разрешили отдохнуть. За мою «помощь» в подготовке к празднику и самоотдачу вожатая разрешила быть на вечерних танцах.

Я с нетерпением ждал вечера. Перед праздником я гладил свой официальный костюм — белоснежную сорочку, изысканное французское жабо, чёрные брюки и жилет. Моя внешность должна быть идеальна в этот торжественный день. Я старательно заглаживал волосы назад и смотрелся в зеркало.

Наконец, наступили танцы. Все пришли нарядные, как и полагается. Ни на ком нельзя было увидеть пионерской формы. Вскоре включили музыку. Я танцевал с Пшеницыной, много разговаривал с вожатой, шутил. Ничего не вызывало во мне подозрений. После танцев пионеры постепенно разбрелись по кружкам. В каждом кружке говорили на разные темы. У взрослых тоже образовался отдельный кружок. Я ходил из одного кружка в другой, пока Пшеницына наконец не заболталась в одном из них и не забыла обо мне. Я отошёл от неё и вожатой подальше и постепенно ушёл на край площади. Мне удалось улизнуть незамеченным.

На танцах я не видел четырёх фигур: Елену Унылову, Алису Двачевскую, Семёна Персунова и Ульянку. Где были последние два, мне было всё равно, но вот насчёт первых надо было похлопотать. Я начал с Уныловой. Где был её домик, я уже знал, но сначала нужно достать необходимые предметы на складе.

Я пришёл к старому широкому зданию с ветшающими дверьми, — тому самому, из которого таскал мешки перед обедом; без труда забрался внутрь через открытое окно.

Обстановка была мне знакома. Когда я брал отсюда мешки с мукой и сахаром, то успел приглядеть нужные вещи. Пользуясь только лунным светом из открытого окна, я на ощупь нашёл верёвку и спички, затем вылез обратно на улицу. Теперь мой путь лежал к домику Елены Уныловой.

Найдя дорогу в темноте, я пришёл к нужному домику, забрался на крыльцо и впервые услышал голос Уныловой:

— Кто там?

— Это Советов. У меня есть к вам важное дело, — отозвался я, держал верёвку за спиной.

Дверь отворилась. Из неё выглянула девчонка с фиолетовыми волосами.

— А ты кто? — сказала она.

— Меня зовут Антон Павлович Советов, я пионер этого лагеря, как и вы. Можно мне зайти? — сказал я.

— Пожалуйста...

«Вежливость покоряет лагеря», — подумал я.

Унылова отошла назад, уступая дорогу. Я зашёл и закрыл за собой дверь. В этот момент сработала интуиция Уныловой: она заметила моё странное поведение, а также то, что я что-то прячу за спиной, но было уже поздно. Тянуть я не стал и после того, как за мной захлопнулась дверь, я внезапно ударил Унылову в голову. Мой удар был не простым тычком какого-нибудь хилого пионера, — он был отточен и техничен; всё делала опытная рука. Она не успела ничего сделать и сразу свалилась на пол. После удара я тотчас накинулся на Унылову, оторвал своё жабо и им закрыл ей рот. Сопротивление было подавлено. Я крепко связал ей руки и ноги, затем привязал её к кровати. Убедившись, что освободиться или закричать она не сможет, я оставил её связанной и вышел из домика. Ещё один пункт плана выполнен.

Теперь мой путь лежал к домику Двачевской. Возможно, в отличие от меня, её не пустили на танцы, и она до сих пор сидит под домашним арестом. Так оно и было. Она открыла мне, когда я постучал в окно.

— Советов? — удивлённо сказала она.

— Добрый вечер. Ну как ты? веселишься? — иронично ответил я.

— Очень смешно...

Двачевская отошла от двери и села на кровать. Я зашёл в домик.

— Ты что, сбежал? — сказала она, когда я зашёл, закрыв за собой дверь.

— Нет, меня отпустили.

— Как отпустили?

— И тебя отпустили. Прямо сейчас. Я отпускаю.

Двачевская не понимала.

— Помнишь, когда я говорил про черту, которую нужно пересечь? — продолжил я.

— Ну, вроде как... а что?

— Я предоставлю тебе шанс сделать это прямо сейчас. Помнишь свою подругу, Унылову?

— Помню... — сказала Двачевская, всё ещё не понимая, что происходит.

— Она сейчас одна в своём домике. Крепко спит. Нанеси ей любезный визит так, чтобы она не смогла пойти в столовую, а лучше, чтобы вообще никуда не смогла пойти.

Я многозначительно посмотрел на Двачевскую. Похоже, она всё поняла. Мы помолчали.

— Хорошо! — вдруг сказала она, — сделаю.

Я кинул на комод коробку спичек.

— Они тебе понадобятся, — сказал я и вышел из домика.

«Теперь все внешние приготовления сделаны. Осталось найти основную группу веселящихся».

Нашёл я всех уже в столовой. Пионеры доедали первые блюда; скоро должен быть торт. Я парадно вошёл, сверкая своим туалетом, — жаль только, что жабо осталось у Уныловой во рту, — занял самое видное место и властно сел. Я должен был видеть всё. Ко мне подошла Пшеницына.

— Советов, вот ты где! Я уже тебя потеряла, — сказала она, празднично настроенная.

— Очень хорошо, что ты меня всё-таки нашла. Пока тебя не было, я успел завести пару знакомств. Ах, какие же всё-таки прекрасные люди в этом лагере! Садись же ко мне за это место, — стрекотал я, — тут всё очень хорошо видно.

Пшеницына села.

— Очень, очень добрые повара, роскошные блюда, — продолжал трещать я, — изящные украшения, чудесная музыка! Я так доволен этим вечером, что просто слов не нахожу! Но когда же будет торт? Мне не терпится угостить всех главным лакомством!

— Его уже несут, — сказала Пшеницына, — вон, посмотри, — и указала на повара, идущего с большим подносом.

— Действительно несут! — ликовал я.

Пионеры откладывали первое и приступали ко второму. Я ходил по рядам и проверял, всем ли доставался кусочек торта; краем глаза поглядывал на вожатую и Пшеницыну. Убедившись в том, что всем досталось по кусочку, я заметил непорядочную деталь: вожатая не ест. Взяв тарелку с своей частью торта, я подлетел к ней и начал обходительно уговаривать:

— Ольга Дмитриевна, что же вы, попробуйте десерт! Мы так старались помочь его сделать, а всё ради вас! Прошу покорнейше, Ольга Дмитриевна!

Вожатая засмеялась.

— Ох, Антон, спасибо! Что бы я без вас делала! Хоть ты и провинился, но всё же остался таким же настоящим пионером! Я всегда была убеждена в этом! Хоть ты и делаешь иногда слишком резкие вещи, но всё ради благой цели. Молодец! — и вожатая приняла мою тарелку.

Я остался этим доволен и пошёл обратно на своё место. Пшеницына сидела там со своей тарелкой, намереваясь испробовать торт.

— Нельзя! — остановил её я, когда она уже подносила кусочек ко рту. Её убивать я точно не собирался.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что я запрещаю, — сказал я и отобрал у неё торт.

— Вожатой можно, а мне нельзя? — обиделась она.

— Именно так.

Пшеницына замолкла, — наверно, обиделась.

И тут кто-то в ужасе вскрикнул.

— Ольга Дмитриевна, там чей-то дом горит! — доложил какой-то пионер, вбежавший в столовую.

— А, это, вероятно, домик Елены Уныловой, — объявил я, не поведя даже глазом.

— Нужно организовать помощь! Коля, скорее беги за водой!

— О, не стоит волноваться. Теперь уже ничего не надо делать, — загадочно сказал я вожатой.

— Почему? — сказала Ольга Дмитриевна.

— Уже слишком поздно, — ответил я.

После этих слов пионер, сидевший почти у самого входа, как будто чем-то подавился. Он схватился за горло и страшно захрипел. Вожатая подбежала к нему.

— Костя, что с тобой? — тревожно спросила она.

Тот захрипел ещё сильнее и свалился на пол. Некоторые, в том числе и Пшеницына, повскакивали со стульев. Я злорадно улыбнулся. Как по цепной реакции, стали задыхаться и другие: яд парализовывал лёгкие. Упала и Ольга Дмитриевна. Я с благоговением смотрел на всё это. Пшеницына была рядом и не порывалась никому помогать.

Вокруг всё потемнело. Здание столовой, пионеров, вожатую, Пшеницыну поглотила тьма. Я встал со стула. Мебель тоже пропала. Я остался один. Вдалеке появился белый свет. Он был маленькой точкой, но всё приближался и расширялся, разгоняя тьму. Постепенно в нём вырисовывалась фигура всадника на белом коне. Он мчался в мою сторону. Далеко за ним гнались люди с примитивным оружием. Вот послышался конский топот и вырисовалась его одежда: белая рубашка и рейтузы; в руках он держал копьё. Лошадь мчалась ко мне бешеным налётом. Я почувствовал неладное, но не смог сдвинуться с места, как будто это зрелище магнетизировало меня. Вот показали черты отчаянного всадника: суровое и строгое лицо; решительный настрой и никаких лишних эмоций.

«Да ведь это же святой Суворов!» — проскользнула последняя мысль в голове.

Ясно было, что он намеревался убить меня. Отвратить я это не мог. Было чувство, что это случится неизбежно. Всё чётче раздавался звук скачущей лошади. Всадник свесился с седла и направил копьё в мою сторону. Мне стало жутко, и я закрыл голову руками. Он как молния промчался мимо, поразив меня копьём. Боль пронзила сердце моё...

И здесь мы вынуждены прервать свой рассказ. Как бы мы не хотели продолжить, но, увы, Антон Павлович Советов, примерно в то же время, как святой Суворов проткнул его сердце копьем, скончался в больнице. Скоро к нему придёт медсестра. Она увидит холодный труп и доложит об этом доктору. Советова похоронят на местном кладбище того самого городка, где он умер. На этом история нашего злодея заканчивается. Он отдал душу богу, или, скорее, дьяволу.

И только остался в память о нём цветок, таинственным образом выросший в горшочке с землёй, который стоял рядом с Советовым ещё при его жизни. Это был обычный цветок, похожий распутившийся одуванчик, но вот только цветом вышел странноват...

ha-na-ga za i tai yo...
ha...na-ga... ha-na-ga za i tai yo...
hi-do-ku kadmio mie
da... dare... mo... mi...ta-kotonai...
hanaga za i tai da yo-o-o...

hanaga za i tai yo
ha-na-ga... hanaga za i tai yo
kidoku kadmio mie
da dare mo... mi...ta-kotonai
hanaga za i tai da yo-o-o... da...

ha-na-ga... hanaga za i tai yo
ha-na-ga... hanaga za i tai yo
mi...ta-kotonai
hanaga za i tai da yo-o-o...

[Цветок распустил бутон.
Цветок, цветок распустил бутон,
Он сильно боялся ветров
И не кто не знал,
Что цветок распустил бутон.

Цветок распустил бутон.
Цветок, цветок распустил бутон,
Он сильно боялся ветров
И не кто не знал,
Что цветок распустил бутон.
"Это не цветок"
"Этого не должно было произойти"
Но все-таки...
Все-таки он цветет
Никто не знал
Даже в мыслях не держал
Не должен зацвести
Но рвался сильно он

Здесь полюбуйся! Здесь
Он цветет...]

2015